

Вера Зубарева родилась в Одессе, Украина, живёт в Филадельфии, США. Доктор филологических наук, поэт, писатель, литературовед, главный редактор журнала «Гостиня». Президент Объединения Русских Литераторов Америки (ОРЛИТА). Преподаёт в Пенсильванском университете искусство принятия решений в литературе, кино и шахматах. Автор 16 книг поэзии, прозы и литературной критики. Лауреат международных литературных премий, в том числе Муниципальной премии имени К. Паустовского (2010). Пишет и публикуется на русском и английском языках. Первый поэтический сборник «Аура» (Филадельфия, 1990) вышел с предисловием Беллы Ахмадулиной, которая, в частности, писала: «Её стихи – изъявление ясной и суверенной души, грациозно существующей в осознанном пространстве». Книга Зубаревой «Трактат об ангелах» с рисунками Эрнста Неизвестного выдержала несколько изданий и была переведена на английский и немецкий языки. Книга получила первую премию «Топ Книга» и четыре диплома на международной книжной ярмарке «Зелёная волна». Её монография по мифопоэтике чеховских пьес была награждена почётным дипломом в Таганроге на международном фестивале, посвящённом 150-летию со дня рождения А.П. Чехова (2010).

«Дорога к дому»

В дождь сильнее привязанность к дому,
Дольше улицы вьются к теплу,
Придаётся значенье подъёму
И разрытой трубе на углу.
В дождь все земли приходят к единству
По слезе, по струе, по реке –
По земному размазавшись диску –
И молчат на одном языке.
Как с педали не снятая нота,
Резонируют капли в окно.
В дождь всегда вспоминается что-то,
Что, казалось, просохло давно.

Сентябрьский свет – расколота призма.
Охвачен вихрем спектров листопад,
А впереди – дожди скучней, чем письма
Того, кто пишет обо всём подряд.
День-два, и отсыреет эта лёгкость –
Смесь крыльев, лепестков и паутинок.
И темя роз, и ветки острый локоть –
Всё обнажит осенний карантин.
Ещё чуть-чуть – и не бежать из сада
В гостиную, как прежде, прямиком.
Лишь постучать и мокнуть виновато,
И слушать сквозь минорное стаккато,
Как кто-то долго возится с замком.
И вдруг вкусить вино осенних мытарств
И перемен в крошечности потерь,
И захотеть уйти опять в размытость
Почти за миг, как отворится дверь.

Расстаться навсегда...
Что может быть спокойней,
Чем комната, в которой нет страстей,
Чем запах сигареты на балконе
И разговор случайнейших гостей,
Чем ровный вид на улицу пустую,
Где вымерли события шагов,
Чем вечер, что запущен вхолостую
Земной традиционностью витков.
Что может быть злосчастнее и легче,
Чем оказаться вне любовных пут

И так захит, чтоб не дожить до встречи
Каких-нибудь часов или минут!..

Нельзя так пропадать в осеннее
ненастье.
Нельзя, я говорю, нельзя, не прекословь!
Я чувствую – настал святой момент
согласья,

И пишутся стихи, и пишется любовь.
Всё пишется к тому, что я зову –
забвеньем:
Лишь стоит написать, и мне уж
невдомёк,

Что было для чего причиной,
побужденьем –
Строка ли для тебя, а, может, ты для
строк.

Как мирно, хорошо в уединенье нашем...
И ты идёшь ко мне, и дождь идёт к перу,
И тысячи надежд
Живут в листке не павшем.
И новый счёт минут –
В опавшем по утрам.

Ребёнок болен. Маленькая жизнь
Не может вникнуть в страшный
смысл болезни.

Мои глаза мощнее всяких линз
Преувеличивают глянца лезвий.
Прерывисто звучат его слова
О жалости к поломанной игрушке.
В его глазах она больна, жива,
И с ней он делит белизну подушки.
Пустое, милый, новую куплю,
Ты только поправляйся поскорее!
– Не надо новой – эту я люблю.
Ей плохо, видишь? Я её согрею.
Мы делим все лекарства пополам.
Он для неё так переносит стойко
Таблеточную горечь, словно сам
Не ощущает горечи нисколько.
Он улыбается не мне, а ей,
Не замечающей иглы и нитки, п

Не знающей цены продлённых дней
И всей бесценности его улыбки.
Я изучаю взглядов детских ложь,
И, вторя этой мудрости недетской,
Я улыбаюсь. И за занавеской
Мои старания оценивает дождь...

Галине Безикович

Лунный свет бродил по берегу,
Гребни тёплых волн очерчивал.
По утёсу крутоверхому
Рисовал прибой подсвеченный.
Спали дети в дальних странствиях.
Покрывалось небо звёздами.
И в его безбрежном царствии
Только боги были взрослыми.
То и снится, что аукнется
В памяти, где мы – вчерашние.
Где уводит к морю улица
Чуть запавшей чёрной клавишей.
Там сидим на побережье мы,
Временем не опечалены,
И следы детей по-прежнему
Скачут буквами печатными.

Как мелочи все дороги безмерно!
Твой недопитый кофе на столе,
Газета смятая... Пожалуй, на земле
Без этих мелочей нам было б скверно.
И кто придумал это подмечать
И бережно откладывать на память,
Чтоб в одиночестве срывать печать
И мелочью
Воспоминанья ранить...

Горный бог по тропинке спускался
Так, как будто бы он и не бог,
И как будто бы обозначал,
Кто такое подумать мог.
Но сказала я горному богу:
«Я узнала тебя, постой,
Вот – тропа к твоему чертогу

Уводит верста за верстой.
Я уже не вернусь к человеку,
Что живёт среди этих гор.
Ты подбрось ароматную ветку
В осенний его костёр.
Пусть глядит, как в мигающем свете
Изменяется всё подряд.
Успокоятся его дети,
Наблюдая, как сучья горят.
И ещё. В разговоре негромком
Пусть он вспомнит внезапно меня.
И однажды... позволь мне ребёнком
Посидеть у его огня».

Вот плывут облака.
Так прозрачна, легка
Лишь бывает печаль.
Вечер.

Я сижу у окна.
Где-то рядом она
Чуть набросила шаль,
На плечи.

Звёзды тихо кружат
И немного дрожат
Оттого, что подул
Ветер.

Но лечаль эту вдруг
Потревожил чуть звук.
В тишине потонул
Вечной.

Уже начало ноября
К порогу подступает влажно.
И всё, что не случилось – зря,
А что случится – то не важно.
Ведь я уже пережила
Несуществующие страсти,
И расцвела, и умерла
В канун ноябрьских ненастий.
Теперь осталось мне смотреть,
Как скручен хрупкий лист у древа.
Ветвь справа полнитися на треть,
Злясь на свободу ветви слева.
И ты, продрогнув на скамье,
Вдруг примешь резкое решение.
И победит уже к зиме
Симметрия опустошенья.

Новый год подступает ко мне,
Словно к горлу колючий комок.
И со мною почти наравне
Опечален рождественский Бог.
Никакого не нужно тепла.
Никакого не нужно стола.
Если б мне хоть немного свободы,
Я б в лесу эту ночь проспала
Среди белых гигантских ветвей
Или, может быть, – возле корней,
Как медведица или как птица,
Это было бы лесу видней.
А на утро пришла бы к тебе.
Ничего б не случилось со мной.

И опять, как ни в чём не бывало,
Я бы стала твоею женой.

Это было искушеньем.
Знаешь, как он говорил,
Как невидимым движеньем
Дверь тугую отворил,
Как рассказывал о друге,
О неведомой любви,
Как запели чисто выюги,
Словно к ночи – соловьи!

Было сумрачно и снежно,
Льдом посверкивал порог.
Кто-то обнял властно, нежно
И в другую жизнь повлёл.
Я ушла за незнакомым,
За неизвестным, иным,
Ме простившись даже с домом,
По дорогам ледяным.

Вы любили меня –
До прихода друзей, до расспросов.
Вы любили меня
В глубине этих снежных заносов,
В глубине –
Где окно залепило, и вход, и площадку,
И где многое было
Вопреки не любви, но порядку.
Вы любили меня –
Не прослушав ни строчки, ни слова.
Вы любили меня...
Ни хорошего в том, ни худого.
Был ваш замысел прост,
И любовь – в незатейливой роли:
Словно снежный занос,
Потому что февраль – и не боле.

Вадиму

Вот слышу – по ступеням ты идёшь,
Вот слышу – ключ твой в скважине играет
И не поймёт, и не подозревает,
Как металлический мотив хорош.

Нарочно не пойду тебе навстречу.
Послушаю ещё немного, как
Поёт приход
Твой торопливый шаг,
И каждый в пении нюанс подмечу.

Вот полоса от света разпилась
И вспыхнула в предчувствии подъёма,
И обострилась внутренняя связь
Между тобой и каждой точкой дома.

Спеши ко мне!
Подумай, что дремлю,
Не догадайся,
Что давно я слышу,
Как ты одежду складываешь в нишу,
И как я это всё в тебе люблю.